

Модернизация — реформирование — революция в образовании

Борис ВИНОГРАДОВ, профессор

Реформирование системы образования в нашей стране длится уже более 15 лет. В эти годы автору довелось быть активным участником событий (ректор вуза, вице-президент Российского союза ректоров, заместитель министра образования России). Естественно подвести некоторые итоги. На мой взгляд, чётко оформилась тенденция превращения провозглашённой *модернизации* в перманентную революцию. Не зря Я.И. Кузьминов, один из идеологов реформ в образовании, в недавней публикации заявил, что содержание образования требует модернизации, но экономическая основа будет *реформирована* кардинально. Последствия стирания грани между понятиями «модернизация», «реформирование», «революция» могут быть и очень печальными (в революции, как известно, всё разрушают до основания, а затем ...).

Можно выделить три стадии реформирования системы образования. Первый этап — «*модернизация*» — начался с январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС и серии постановлений ЦК КПСС и СМ СССР. Действия власти были логическим продолжением достаточно длительного подготовительного периода, начавшегося в 1984 году. Основные идеи — развитие высшего и среднего профессионального образования, повышение роли вузовской науки в ускорении научно-технического прогресса и улучшении качества подготовки специалистов, создание в стране единой системы непрерывного образования, демократизация учебных заведений, развитие материально-технической базы. Данный период — попытка именно *модернизации* системы образования: государство, с одной стороны, декларировало серьёзность накопившихся проблем, а с другой стороны, обещало конкретную помощь, рассматривая образование как абсолютную ценность для страны. Этот этап завершился распадом СССР.

Второй этап — «*реформирование*» (1992–1997 гг.) — проходил под условным девизом со стороны власти: «Мы не можем дать вам денег, но дадим свободу». Было сделано немало позитивного: приняты законы об образовании, о высшем и послевузовском профессиональном образовании, определившие принципы государственной политики в образовании, закрепившие академические и экономические свободы, автономию вузов; введена многоуровневая подготовка специалистов; приняты стандарты профессионального образования; отбиты первые приватизационные наскоки на высшую школу. В этот период начала создаваться государственно-общественная система управления высшей школой (Российский союз ректоров, различные ассоциации вузов и т.д.). Реформирование высшей школы проходило без шумихи, в сотрудничестве тогдашнего Госкомвуза РФ с вузовской общественностью. Несмотря на сложное время с бесконечными секвестрами, высшая школа прошла этот этап, окрепнув и осознав ценность автономии и академических свобод. Следует выделить два аспекта этого процесса, которые, на мой взгляд, оказали принципиальное влияние на дальнейшие события и во многом предопределили идеологию третьего этапа. Это: быстрый и практически нерегулируемый рост числа негосударственных образовательных учреждений, в первую очередь, вузов; введение платного обучения сверх установленного плана бюджетного приёма.

Появление значительных внебюджетных средств за счёт платного приёма и вовлечения в хозяйственный оборот имущества (аренда и т.п.) сделало многие государственные вузы реальным субъектом рыночных отношений. Конечно, это были субъекты, ограниченные в своих действиях и возможностях. Многие вузы тогда стали соучредителями различных юридических лиц, активно работающих на рынке. Высшие учебные заведения научились зарабатывать сами, государство этому не противилось и система образования подошла к третьему этапу реформирования.

Третий этап — «*революционный*» (с 2000 года по настоящее время). Фактически он начался в 1997 году с рыночного по сути проекта организационно-экономического механизма

функционирования высшей школы. Группа разработчиков модели предлагала быстрый переход к новому экономическому укладу и в первую очередь, в высшей школе. Однако процесс был приостановлен сначала жёстким неприятием данной схемы Комитетом по образованию Государственной Думы и союзом ректоров, а затем дефолтом и сменой правительства.

Нынешний министр, В.М. Филиппов, не был на первых порах ярким сторонником экономических новаций, вскоре начал быстрый дрейф в сторону, нужную рыночникам от образования. Поскольку Съезд ректоров в 1998 году крайне отрицательно воспринял новые экономические предложения, «рыночники» обратились к революционным методам.

«Реформаторами» была выдвинута, а СМИ подхвачена идея о том, что в системе образования вращаются миллиарды теневых долларов. Таким образом в массовом сознании были сформированы моральные требования к системе: для достижения светлого будущего необходимы очищение от коррупции, доступность, эффективность и качество образования. Механизмами достижения целей стал и Единый государственный экзамен (ЕГЭ), Государственные именные финансовые обязательства (ГИФО), образовательные субсидии, возможность изменения статуса образовательных учреждений и т.д. Пропагандируется образ «мальчика из провинции», у которого наконец-то будут шансы поступить в один из ведущих вузов страны. В качестве «группы поддержки» идеологов выступают вузы и регионы, готовые участвовать в этих, хорошо финансируемых, экспериментах. У чиновников и реформаторов появляется возможность достаточно вольно обращаться с крупными федеральными бюджетными средствами. Наряду с этим идёт серьёзное наступление на хозяйственную автономию вузов (налоговый кодекс, внебюджетные счета вузов и т.д.).

Цель этого этапа — коренные изменения сложившейся системы экономических и общественных отношений в сфере образования. Это уже революция. Происходят странные вещи. Так, к контролю за процедурой ЕГЭ реформаторы уже предлагают привлечь представителей Президента в регионах, начальников ФСБ, ФАПСИ, ЦИКа на местах. Кого ещё надо подключить? Быть может, космонавтов на орбите? Им сверху видно все... Это заставляет вспомнить известные слова: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить...»

Рискну сделать прогноз, каков будет итог после полной и окончательной победы революционеров-реформаторов.

По сути, будет создана отрасль государственных финансов, призванная обслуживать ГИФО. Следовательно, возникнут новая бюрократия, новая отчётность и... новые злоупотребления. Внедрение ЕГЭ не приведёт к исчезновению репетиторства, оно лишь переместится с вузовского уровня на школьный, и процесс станет масштабнее. Активная работа по смене организационно-правовой формы «образовательное учреждение» на статус «организация» создаст полноценный субъект рыночных отношений со всеми вытекающими последствиями.

Конкуренция за деньги ГИФО создаст условия, при которых учебные заведения не будут иметь стимулов к сотрудничеству. Платёжеспособные студенты начнут переходить в более обеспеченные учебные заведения, финансовые ресурсы которых возрастут. В «бедных» вузах сокращение бюджетного финансирования, отсутствие инвестиций, низкий уровень абитуриентов, по логике, снизит качество обучения. Произойдёт ослабление ведущих технических вузов, относящихся к «трудным». Список опасностей, ожидающих на этом пути, можно продолжить. Конечно, в первую очередь пострадают непривилегированные слои населения, бедные регионы, вузовская наука. Кардинально изменится функция образования. Оно фактически станет механизмом, закрепляющим социальное неравенство, некую кастовость, вместо воспроизводства науки, культуры и интеллекта. И это коснется каждого. Результаты «гифоизации» страны могут быть более разрушительными, чем ваучеризации, поскольку в данном случае речь идёт не о материальном обнищании россиян, а об интеллектуальных потерях.

Выскажу некоторые принципиальные соображения.

Во-первых, любые крупные изменения в национальной системе образования должны осуществляться тогда, когда они поддерживаются общественными и профессиональными

структурами, поэтому необходимо широко привлечь к разработке и обсуждению проблем все слои общества. До сих пор это не сделано. Все нынешние реформы регулируются по принципу революционной эпохи «декретами Совнаркома», то бишь постановлениями правительства. Когда же подключаются законодатели, то от революционных прыжков ничего не остаётся, всё приходит в спокойное разумное русло. В качестве примера можно привести «революционную» двенадцатилетку, которая лопнула как мыльный пузырь.

Во-вторых, настораживает крайняя спешка в организации и проведении экспериментов по всей стране. Может быть, для того чтобы к их окончанию система уже была загнана в «счастье»? Между тем здесь, как в науке и культуре, чрезмерная спешка недопустима. Важно «держать паузу», убедить в нужности реформ общество. Это стратегическая, долговременная сфера общественной жизни. Результат работы тех, кто кардинально реформирует образование, создаёт университеты, формирует новые традиции, увидят только их потомки. Такова объективная реальность, которую не могут изменить даже пламенные революционеры.

Наконец, ещё один важный аспект проблемы. Система образования, в которой работают и учатся 40 миллионов человек, обеспечивает долгосрочные стратегические интересы страны. Реформирование её должно осуществляться в конституционном поле, наращивая правовой потенциал модернизации, без поспешного забегания вперёд.